

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

РЕЛИГИОЗНЫЙ УКЛАД ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

Со времен постройки Иерусалимского храма вера народа в свою судьбу не создавала ничего более чудесного, чем Санкт-Петербург¹.

Маркиз де Кюстин

В ряде случаев иностранцы рассказывают о таких событиях, которые без их известий остались бы тайной для позднейших поколений.

Академик М. Н. Тихомиров

В 1703 году в устье Невы вошло торговое судно под голландским флагом; это было первое иностранное судно, посетившее город, только что основанный на невских берегах. С этого времени в Санкт-Петербурге, первоначально названный так на голландский манер, начался постоянный приток иностранцев: это были купцы, дипломаты, архитекторы, писатели, музыканты, художники и просто любопытствующие туристы.

О причинах, способствовавших усилению притока иностранцев в Россию, в начале XIX века размышлял французский писатель Г.-Т. Фабер: «Благоволите отметить, как сильно отличалось развитие цивилизации у русских от того же развития у других народов и вообще от естественного хода событий. Шесть столетий кряду Россия страдала под ужасным чужеземным игом, была раздираема междоусобными войнами и гражданскими распрями и только в XVIII столетии, преодолев эту пропасть одним рывком, присоединилась к числу государств просвещенных. В Европе нашла она общественную жизнь со всеми ее потребностями и утонченной роскошью, нашла жизнь цивилизованную и украшенную всеми открытиями и изобретениями человеческого разума, нашла науки и искусства, достигшие редкостного совершенства. Русским остается только свыкнуться с этими достижениями, усвоить их себе, для чего потребно время. Русским предстоит многое копировать, многому учиться. Им незачем заниматься изобретениями, ибо гораздо больше пользы доставят им подражания; они посту-

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 1996. С. 138.

пают очень верно, когда призывают к себе иностранцев, с которых берут пример и у которых перенимают новые для себя обыкновения»².

Заморских гостей в Петербурге интересовало абсолютно все, и многие из них скрупулезно записывали свои впечатления об увиденном, а впоследствии, вернувшись на родину, издавали свои записки. Так западные читатели знакомились с бытом новой столицы Российской империи.

Особенно увеличился приток иностранных авторов в Петербург во второй половине XIX века. «Мы решительно вдвигаемся в Европу, и к нам начали уже беспрестанно приезжать путешественники, — писал в 1842 году издатель „Московского телеграфа“ Н. А. Полевой. — На пароходах, вместе с попугаями, артистами, учителями, привозят и к нам ежегодно по несколько вояжеров. Летом вы встретите на петербургских улицах людей с бородками, с особенными усами, с эспаньолками и легко отличите в них по костюму и по ухватке путешественников. Вглядитесь, как они внимательно на все смотрят, как они срисовывают иногда нашего мужичка, охтянку, сбитенщика и как уже явно рисуются на мозгу их разные мысли, взгляды, описания, рассказы»³.

Порой эти описания отличались наивностью и содержали неточности, но в целом зарубежные авторы подмечали в быте русской столицы такие черты, которые местным жителям казались обыденными. По прошествии десятилетий и тем более столетий наблюдения эти приобретают для нас особую ценность. Поэтому, подвергая справедливой критике одну из иностранных книг, содержащую много «развесистой клюквы»⁴, Н. А. Полевой все же замечает: «Мы до сих пор и для себя самих не можем составить порядочного описания России, порядочного описания Петербурга и Москвы. Спасибо, добрые иностранцы за нас хлопочут и составляют нам географии и истории, из которых мы изучаем Россию»⁵.

Конечно, в этих словах есть доля преувеличения, можно было бы назвать целый ряд отечественных сочинений, посвященных старому Петербургу, но к середине XIX столетия они уже представляли собой библиографическую редкость. Что же касается изображения религиозной жизни Петербурга, то здесь записки иностранцев могут иметь для нас особое значение. Будучи инославными, гости новой столицы не могли обладать исчерпывающим знанием истории Русской православной церкви, ее традиций и обычаев. Но тем не менее их краткие упоминания об увиденном дают в своей совокупности определенное представление о петербургских храмах, монастырях, о православном укладе жизни местного населения, о столичном духовенстве и т. п.

Многие иностранные авторы, жившие в Петербурге, отмечали набожность и благочестие православных жителей российской столицы. Об этом писала, например, англичанка Элизабет Джастис (+1752), проживавшая в Санкт-Петербурге с 1734-го по 1737 год: «Русские ходят в церковь вечером, как и днем. Отправление обрядов состоит в том, что они крестятся, кланяются и бьются головой о пол, повторяя часто и быстро, как только возможно, слова: „Господи, помилуй нас“. И те, кто проговаривает это быстрее всех, считаются самыми набожными»⁶.

Современником Элизабет Джастис был шведский ученый Карл Рейнхольд Берк (1706—1777); он провел в Санкт-Петербурге полгода (1735—1736). Будучи лютера-

² Фабер Г. Т. Безделки. Прогулки праздного наблюдателя по Санкт-Петербургу // Новое литературное обозрение, 1993, № 4. С. 365. Перевод выполнен по изд.: Faber G. T. Bagatelles. Promenades d'un desoeuvre dans la ville de Saint-Petersbourg. SPb., 1811. Т. 1—2.

³ Полевой Н. (Рецензия) // Русский вестник, 1842. Т. V. Отд. III. С. 15.

⁴ La Russie, par A. Fereier. — Bruxelles, 1841.

⁵ Полевой Н. Указ. соч. С. 16.

⁶ Джастис Элизабет. Три года в Петербурге // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 97.

нином, К.-Р. Берк позволял некоторую долю иронии по отношению к православным жителям столицы, но тем не менее его записки представляют определенный интерес. В своем трактате «Путевые заметки о России» К.-Р. Берк уделил религиозному быту петербуржцев два раздела.

Утренние и вечерние молитвы. К утренним и вечерним молитвам сюда (в храм. — *Авт.*) и во все другие места приходит довольно мало народу. Простолюдины, похоже, являются самыми набожными; знать или вовсе не совершает утренних молитв, или имеет своих собственных домашних священников. Некоторые господа изобрели новый способ по-быстрому поладить с Богом. Поскольку, согласно русской литургии, большинство дней в году имеют свои особые молитвы и почитания, а также стихи псалтыри⁷, которые надлежит читать, и сие занятие может порой длиться дольше того времени, каким располагает для слушания господин, то он велит двум-трем священникам одновременно тараторить каждому свою часть и таким манером разделяется с этим за срок вдвое или втрое меньший.

Крестное знамение. Вообще можно сказать, что русские молятся реже, чем совершают знамение. Два или три креста, творимые тремя первыми пальцами правой руки от лба к груди, от правого плеча к левому (между тем как в латинской Церкви делают движение слева направо), а также многочисленные «Господи, помилуй» многим заменяют утреннюю и вечернюю молитву, обедню и все прочее богомолие. Знать, в большинстве своем полагающая, что делать что-либо относящееся к религии — позор и испытание слабого разума, либо вовсе не осеняет себя крестным знамением, либо же осеняет таким маленьким и столь поспешно у груди, что едва заметишь. Всем детям при крещении вешают на шею маленький крестик из серебра, латуни или железа, смотря по состоянию родителей. Его носят всю жизнь — разумеется, если эта вера человеку по сердцу. Но женщины носят его так, чтобы он был виден, всячески украшая его, смотря по своим возможностям. Жены мещан, мелких писцов и солдат вешают крестики на широкие сквозные серебряные цепочки. Знатные особы если вообще носят крестик, то, творя крестное знамение, более озабочены красивыми бриллиантами, украшающими грудь для мужчин, нежели какими-либо благочестивыми мыслями, — *tout comme chez nous*⁸.

Венецианец Джованни Джакомо Казанова, побывавший в Москве и Санкт-Петербурге в екатерининскую эпоху, заметил, что «их колокола не раскачиваются, как наши, а накрепко прикреплены. Звонят в них посредством веревки, привязанной за язык»⁹.

О религиозном укладе жизни петербуржцев писал и француз Лафермьер, который в 1770—1780 годах исполнял обязанности секретаря великого князя Павла Петровича. В его заметках под названием «Русский двор в 1761 году» отмечаются те признаки православным петербуржцам качества, которые не могли пройти мимо внимания французского автора: «Точность в исполнении обрядов... поклонение святым и иконам, страсть к построению церквей и монастырей, все, что составляет отличительные черты греческой (православной. — *Авт.*) набожности... Эти подвиги как бы служат противодействием греху и содействуют тому, чтобы поддерживать душу в равновесии между добром и злом»¹⁰.

⁷ Помимо Псалтыри читают очень немного из Ветхого Завета и изредка еще евангелистов из Нового. Прихожане обычаю листают молитвенники и Четьи-минеи (примеч. К.-Р. Берка).

⁸ Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 117—118. *Tout comme chez nous* — все, как у нас (франц.).

⁹ Казанова Джакомо. История моей жизни. М., 1990. С. 574.

¹⁰ Русский двор в 1761 году. Перевод с французской рукописи Лафермиера, хранящейся в библиотеке Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Константина Николаевича в г. Павловске // Русская старина, 1878, октябрь. С. 190.

В 1768 году в Санкт-Петербург прибыл Уильям Ричардсон, недавний выпускник-философ университета в Глазго. Он находился в Санкт-Петербурге в течение четырех лет вместе с семьей посланника Великобритании Ч. Кэткарта в качестве учителя его детей, пока длилась миссия посланника. Вот что пишет Уильям Ричардсон о религиозном быте жителей столицы: «Их религиозные установления не совсем верны и не во всех глубоко укоренены. Один священник пришел к вельможе, чтобы исповедовать. „Святой отец, — спросил граф, — хорошая ли у тебя память?“ — „Да“. — „Тогда ты должен помнить, что я говорил тебе на моей последней исповеди. С того времени у меня были все те же соблазны снаружи и те же слабости внутри, и вот тебе та же сумма денег“. Я, однако, не скажу, что русские аристократы ниже по своим религиозным или моральным установлениям, нежели сильные мира сего даже в тех государствах Европы, где существует высшее образование <...>

Слабый пол всех возрастов более практичен, менее горд умом, и мне даже сказали, что обладает более здравым рассудком, чем мужчины, и, следовательно, среди них найдешь меньшее число тех, кто проявляет безверие. Их взгляды могут быть ошибочными, что происходит от их образования, но их мысли благочестивы. В самом деле, когда я смотрю на русских аристократок на богослужении, когда они крестятся, что делают очень изящно в доказательство их религиозной признательности, во мне появляется уважение и к их здравому рассудку, и к их благочестию»¹¹.

Будучи протестантом, англичанин Уильям Ричардсон, в отличие от француза Лаферьера, критически оценивал некоторые стороны жизни православных петербуржцев. Другой француз — аббат Жоржель — подтверждает мнение Лаферьера о благочестии петербуржцев. Аббат Жоржель приехал в Россию в качестве одного из представителей Мальтийского ордена; он жил в резиденции императора Павла I с декабря 1799-го до конца мая 1800 года. «Русские все поголовно стоят в своих церквах, рясная внешние знаки благочестия; они беспрестанно кладут земные поклоны, то и дело крестясь по русскому обычаю; при этом они обращаются то к алтарю, то к иконам Богоматери или св. Николая, — отмечает французский аббат. — Русские окружают этого святого несравненно большим почетом, чем всех других святых своего календаря. Это — первый святой после Бога и Богородицы; под его покровительством они считают себя защищенными от земных бедствий и от вечных мук загробного мира»¹².

Об особом почитании святителя Николая пишет французский дипломат де-Корберон, правда, в совершенно неожиданном аспекте: «28 мая 1778 г. С часу на час ждем вскрытия Невы. Запоздание его причиняет большие бедствия жителям столицы, потому что, несмотря на страшную опасность перехода по льду в это время, беспрестанно находятся люди, готовые пренебречь этой опасностью во имя веры в Николая Чудотворца, во имя которого и тонут беспрестанно. Я спросил: почему же не расставят сторожей по берегам реки, мне ответили, что это средство уже испробовано, но оно только увеличило число несчастий, так как простой народ, стараясь обмануть сторожей, переходит в самых опасных местах»¹³.

В «Записке баварца о России времен императора Павла» читаем: «Русские скорее суеверны, чем религиозны. Высший класс набожен, как и повсюду; народ, отупевший благодаря отсутствию всякого образования и порокам грубой администрации, ограничивает свою набожность некоторыми обрядами, некоторыми внешними проявле-

¹¹ Уильям Ричардсон. Письмо XXXI. СПб., 1770 г. Цит. по: Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 69.

¹² Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1913. С. 128.

¹³ Интимный дневник шевалье де-Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины I (из парижского издания). СПб., 1907. С. 166.

ниями, с которыми он не связывает никакой идеи»¹⁴. Тот же немецкий автор так отзывается о православном богослужении: «Греческое богослужение довольно пышно, но оно не так методично и не так хорошо устроено, как католическое. Инструментальная музыка воспрещена в греческих церквях. Богослужение совершается на народном языке, и это — его хорошая сторона. Праздники крайне многочисленны. Кроме воскресений есть еще праздники, в которые никакие работы не производятся. Выходит 121 день в году, посвященный праздности. Официальные праздники, как дни рождения членов императорской фамилии, дни событий, праздники орденов, почитаются как религиозные»¹⁵.

Приведенные заметки можно дополнить наблюдением ирландки Марты Вильмот, жившей в России в 1803—1805 годах. В августе 1803 года она отправилась из Петербурга в Петергоф, и когда ее экипаж поравнялся с храмом, стоявшим у дороги, она заметила, что «все, проезжающие мимо, останавливаются у церкви, и слуги, сняв шапки, начинают усердно креститься... Когда мы поравнялись с храмом, все вышли из кареты. Я вошла в церковь вслед за остальными, спутники мои стали креститься, класть поклоны и прикладываться к иконам. Семеро наших слуг молились снаружи»¹⁶.

Сестра Марты Вильмот Кэтрин, остановившаяся в Петербурге в августе 1805 года по пути в Москву, также могла видеть петербуржцев, творивших молитву. «Низший разряд народа удивляет меня своим странным видом и патриархальной длинной бородой у мужчин: трудно себе представить, что они не родились еще до потопа, — писала Кэтрин, привыкшая к европейскому укладу жизни. — При восхождении и захождении солнца и в некоторых других случаях они начинают очень усердно креститься, и эта церемония продолжается не менее четверти часа. Они наклоняют при этом голову почти до низу и потом не только выпрямляются, но настолько же перекидываются назад, совершая крестное знамение во всю руку. Старые женщины преспокойно становятся на колени и прикладываются (лбом. — *Авт.*) к земле»¹⁷.

И если Марта Вильмот сообщала о «путешествующих» петербуржцах, то ее сестра Кэтрин писала о «плавающих», которые молились, несмотря на угрожавшие им опасности: «Я часто вижу плывущими по реке (Неве. — *Авт.*) мимо наших окон на дощатом челне человек двадцать, совершающих свои поклоны тем путем, как я указывала, с их длинными бородами, развеваемыми ветром, и в эту минуту они представлялись мне какими-то чудодеями, усмиряющими гневные порывы морской пучины»¹⁸. Многие иностранные авторы упоминали об этой древней традиции. «Русских можно отличить по часто повторяемому крестному знаменю, которое они сопровождают глубокими поклонами», — отмечал немецкий путешественник граф И. Штернберг, бывавший в Петербурге в 1792—1793 годах¹⁹.

14—16 января 1870 года при Священном Синоде была учреждена «Комиссия для пересмотра действующих ныне постановлений о духовной цензуре». Синодальное рассмотрение проектировалось оставить только для собственно церковных изданий. Что касается светских изданий, то там могли быть опубликованы исторические записки инославных авторов, критически относящихся к православным традициям. Так, в 1896 году на страницах «Русского обозрения» были опубликованы мемуары князя Адама Чарторыйского (1795), где этот поляк-католик пишет, в частности, о православном богослужении.

¹⁴ Записка баварца о России времен императора Павла // Русская старина, 1899, № 9. С. 557.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Дашкова Е. Р. Записки; Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 218.

¹⁷ Письма из России в Ирландию 1805, 1806 и 1807 годов // Русский архив, 1873. Кн. 2. С. 1836.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Русский двор в 1792—1793 годах. Заметки графа Штернберга // Русский архив, 1880. Т. 3. С. 262.

Богослужение Греческой церкви, по внешности, торжественнее нашего и напоминает языческий культ. Смотри на епископов и попов и на их бороды, невольно вспоминаешь древних языческих жрецов. В этом богослужении все направлено к внешней торжественной обстановке, поражающей зрителя. Внутреннее, молитвенное настроение, стремление души к ее Создателю, требующие спокойствия и сосредоточенности, здесь невозможны. Проповедничества здесь нет; ни во дворце, ни в другом месте я никогда не слышал ни одной хорошей проповеди. Они произносятся только при больших торжествах. Церковные ораторы, по заведенному обычаю и по обязанности, заимствуют слог и выражения из древних церковно-Славянских книг; это придает их красноречию напыщенность, но лишает его увлекательности и живости.

Затем, пение и церемониал наполняют все богослужение, в ущерб назиданию. Это просто театральное зрелище, целиком взятое из язычества. Эти чаши, носимые на головах; эти царские врата, то открываемые, то закрываемые; эти поклонения пред иконами; эти украшения; эти кадила в беспрестанном движении, — все это напоминает жертвоприношения в языческих храмах. Напрасно будете там искать протестантской простоты и наставительности, или католической набожности и молитвенного настроения. Вся разгадка в том, что последние суть продукт цивилизации, между тем как греческий культ носит печать азиатского варварства.

Самая их набожность имеет в себе что-то странное. Так, например, молодые или старики, светские люди или бородачи, — все без изъятия говеют. У нас часто случается, что мы или не желаем, или не осиливаемся приступить к Святому Причастию, хотя в нас гораздо более, чем в Русских, веры и набожности. К сожалению нашему, можете быть, и предосудительному, присоединяется религиозный страх, который иногда и служит причиной нашего уклонения. У Русских, напротив того, все обряды и таинства исполняются без всякого сердечного умиления, а единственно только для исполнения обычая, и затем обыкновенно они же осмеивают пение и произносимые попами молитвы. Исповедь похожа на нашу. Но у них священник читает кающемуся или кающимся (которых бываете разом несколько) перечень грехов, как бы для того, чтоб они указали, в чем они согрешили; но кающийся обыкновенно или молчит, или, признавая себя согрешившим, довольствуется внутренним сознанием пред Богом своего греха, и затем, пробормотавши несколько длинных молитв и почти без внимания, приступает к Святой Чаше²⁰.

Опубликовав эти строки, редакция «Русского обозрения» сочла необходимым выразить свое отношение к предвзятому отношению польского шляхтича к Русской православной церкви.

От редакции: Мы привели здесь кощунственную выходку князя Чарторыйского против православного богослужения и благочестия русского народа, известного своею набожностью, — как пример, показывающий, до какой степени даже самый просвещенный поляк-католик, ослепленный враждою к России, способен извращать истину и оскорблять священнейшие чувства. Князь Чарторыйский находит, что у поляков-католиков гораздо более веры и набожности, чем у православных русских. Заметим, однако, что поляки нередко пользовались своими костелами и богослужением для политической пропаганды. Современные поляки гордятся тем, что в 1794 году в Варшаве их отцы и деды посвятили ночь на праздник Воскресения Христова не молитвам в храмах Божиих, но избиению на улицах и в домах сонных и безоружных русских солдат. Таких случаев еще никогда не бывало в истории русского православного народа. Не удивительно, что поляк и ультрамонтан, политический враг Екатерины II и России, и ненавистник Православия, князь Чарторыйский, по обязанности русского придворного, присутствуя при православных богослужениях,

²⁰ Князь Адам Чарторыйский // Русское обозрение, 1896, № 2. С. 636—637.

совершаемых на чуждом ему древнеславянском языке, мог только осуждать и злобствовать в душе своей, но не молиться. Конечно, он не в состоянии был оценить святости, величия и апостольской древности православного богослужения и установленных для него в первые века христианства обрядов и молитв. Крайне прискорбно, что ненависть к политическим противникам и католический фанатизм могли довести даже образованного и высоко в обществе поставленного человека до грубого и невежественного глумления над древнейшими христианскими установлениями²¹.

А вот еще одно наблюдение, принадлежащее известному немецкому писателю Эрнсту Морицу Арндту. Автор сочинения «Дух времени»²², направленного против Наполеона, он вынужден был бежать из Германии; летом 1812 года он был приглашен в Петербург в качестве помощника по делам немецкого легиона, сформированного для освобождения Германии от наполеоновских войск, где и пробыл шесть месяцев. В своих записках он также отметил набожность жителей Петербурга. «Я поистине дивился лицам молящихся в церквях и на улице, когда раздавался утренний или вечерний звон, — писал Э.-М. Арндт в декабре 1812 года. — Как все останавливалось и складывало руки, как все смотрело глубоко, словно заглядывало в небо и в самого себя, словно внезапно переносилось из веселости предыдущей минуты, из суеты житейской в иной мир, словно ударил гром и приковал всех к месту, где только что все беззаботно двигались и шумели! Тут чувствуешь, что в этом народе есть нутро, есть твердая неразрушимая сущность»²³. Эрнст Мориц Арндт был благодарен России за освобождение своей родины от наполеоновских войск, и это чувство постоянно присутствует в его записках.

О глубокой религиозности русских христиан пишет французский литератор Франсуа Ансело (1826): «Всем известно, что русский народ — самый суеверный в мире, но, когда наблюдаешь его вблизи, поражаешься, до чего доходят внешние проявления его набожности. Русский (я говорю, разумеется, о низших классах) не может пройти мимо церкви или иконы без того, чтобы не остановиться, не снять шапку и не перекреститься десятков раз. При таком благоговении перед храмами и иконами русские не жалеют средств для украшения церквей и монастырей»²⁴.

Другой инославный автор — маркиз Астольф де Кюстин, прибывший в Петербург из Франции в 1839 году, такими чувствами, естественно, не пылал, и страницы его книги о пребывании в России порой дышат недоброжелательностью. Но все же и он сумел встать выше личных пристрастий, объективно подчеркнув набожность, которая была присуща русским христианам. Вот что писал он о жителях Петербурга: «Русские глубоко религиозны; их церкви, по крайней мере, неоспоримо принадлежат им; неизменная форма храмов благочестия составляет часть их культа, и вера защищает эти религиозные крепости против страсти к математическим фигурам, тесанным из камня длинных четверугольников, плоских поверхностей и прямых линий»²⁵.

...Прошли годы, десятилетия, но религиозный уклад жизни петербуржцев не изменился. В самом начале XX столетия российскую столицу посетил испанский морской офицер, писатель и журналист Мануэль де Мендевилль. (В России он побывал, вероятно, летом 1900 года.) Вот его впечатления об увиденном: «В Петербурге невозможно пройти и двадцати шагов, не увидев церкви; причем я говорю только о настоящих церквях, потому что часовни с блестящими и окруженными свечами иконами стоят на каждом углу. Русские очень благочестивы, во всяком случае внешне это не подлежит со-

²¹ Там же. Примеч. 7.

²² Arndt E. M. Geist der Zeit. Bd I—IV, 1806—1818.

²³ Из воспоминаний Э. М. Арндта о 1812 годе // Русский архив, 1871. С. 106—107.

²⁴ Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 43—44.

²⁵ Маркиз де Кюстин. Россия и русский двор в 1839 году // Русская старина, 1892, январь. С. 114.

мнению, они проходят мимо культовых зданий не иначе как с непокрытой головой, благоговейно и набожно крестясь»²⁶.

Иконопочитание

Иконопочитание — одна из древних традиций, присущих православному миру и бережно сохраняющаяся в лоне Русской православной церкви. Это также привлекало внимание приезжих иностранцев. Прусский дипломат Иоганн Готхильф Фоккеродт, живший в Санкт-Петербурге в эпоху Петра I, сообщает о некоторых церковных нововведениях, появившихся в Русской православной церкви под влиянием выходцев из Киево-Могилянской духовной академии, к числу которых относились такие влиятельные члены Свящ. Синода, как Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Но эти новшества вызвали активное неприятие православного духовенства, отстаивавшего традицию иконопочитания.

«Правда, что в его [Петра I] время в России стали употреблять в учении о причастии слово „пресуществление“ (Transubstantion) вместо слова „претворение“ (Transmutation)²⁷, которым прежде пользовалась в этом случае Русская Церковь, — пишет немецкий автор. — В напечатанном по его приказанию Катехизисе тоже несколько смягчено учение о почитании икон, получившем вид простого, холодного приветствия им. Но первое, незаметно для самих себя, ввели русские попы, которые если и знают что-нибудь, то научились в папистских училищах в Польше, а потому и много усвоили католических понятий; им и спустили это, так как греческая Церковь в основании совершенно согласна с Римскою насчет этой статьи. Смягчение учения об иконах просто одна затея Новгородского архиепископа²⁸, посредством которой он охотно устранил бы совсем эту соблазнительную статью, не оскорбляя, впрочем, значения Второго Никейского Собора²⁹, который постановил ее. Но прочее духовенство никогда не хотело одобрить того и по кончине Петра I безбоязненно отвергнуло и признало незаконным»³⁰.

Элизабет Джастис упоминает об иконопочитании кратко: «В домах у русских есть многочисленные живописные и резные изображения, перед всеми горят восковые свечи со времени ухода хозяев в церковь и до возвращения домой»³¹.

Большее внимание этой традиции уделяет Карл Рейнхольд Берк. В своей книге один из разделов он поместил под заглавием «Изображения святых». «Во всех помещениях напротив дверей поставлены распятия или изображения святых, и благочестивый человек при входе не преминет сотворить перед изображением крестное знамение, прежде чем поприветствует присутствующих, — пишет шведский автор. — Многие живу-

²⁶ Мендивиль Мануэль де. Санкт-Петербург // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 153.

²⁷ Пресуществление (лат. transsubstantiatio) — богословское понятие, обозначающее превращение в таинстве Евхаристии существа хлеба и вина в Тело и Кровь Христа. Термин «пресуществление» (μετουσίωσις) никогда не употреблялся святыми отцами в Православной церкви до середины XV века по отношению к освящению Святых Даров. Впервые его перенес из католической литературы Геннадий Схоларий, используя как синоним традиционным святоотеческим терминам «преложение» (μεταβολή) и «претворение» (μεταποίημα).

²⁸ В эту эпоху Новгородскую кафедру занимал Феодосий (Яновский) (1720—1725), а затем Феофан (Прокопович) (1725—1736).

²⁹ Второй Никейский собор (Седьмой Вселенский собор) был созван в 787 году в городе Никее. Собор был созван против иконоборчества, возникшего за 60 лет до Собора, при византийском императоре Льве Исавре, который, желая устранить препятствия к мирному соседству с мусульманами, считал необходимым упразднить почитание икон.

³⁰ Фоккеродт Иоганн-Готтхильф. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 15.

³¹ Джастис Элизабет. Три года в Петербурге // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 97.

щие в России протестанты тоже имеют в своих домах такие изображения в знак уважения к жителям этой страны, которые посещают их дома, и во избежание раздражения к себе как к нехристям. Говоря не только об изображениях, но и о тонких восковых свечах, зажигаемых перед ними, русские почтительно употребляют слово не „продать“, но „обменять“, хотя и на деньги. Изображения помещают также наверху на наружных стенах церквей, у которых люди останавливаются и, обнажив голову, крестятся. Это почтение выказывают церквям и с большого расстояния. Я видел, как принцесса Елизавета, проезжая мимо моих окон, многократно крестилась на церковь Петра и Павла, стоящую по другую сторону реки»³².

Датский автор Педер фон Хавен (1715—1757) впервые побывал в Санкт-Петербурге в 1736 году; вторично он провел в российской столице еще три года, с 1743-го по 1746 год уже в качестве пастора при дипломатической миссии. В своей книге «Путешествие в Россию» фон Хавен излагает свои впечатления об увиденном, подтверждая и дополняя сведения, приведенные К.-Р. Берком. «Русский, входя в комнату, сначала осеняет себя крестным знамением, одновременно склоняясь перед тем образом, который в комнате стоит наверху; затем очень тихо и медленно склоняется перед каждым находящимся в комнате, а те ему отвечают подобным же манером, — сообщает фон Хавен. — При этом они не принимаются почти ни за какие дела, только совершают такие приветствия. Я потому решил не обойти вниманием этот обычай, что он по-прежнему бытует, и не только среди всех простых людей, но и среди многих благородных господ и дам и сразу бросается в глаза чужеземцу, хотя подобное он и видит в Петербурге не столь часто, как в Москве и других расположенных дальше в стране городах»³³.

Если К.-Р. Берк лишь кратко упоминает о продаже (обмене на деньги) икон, то Педер фон Хавен посвятил этому целый раздел, озаглавленный «Торговля образами». «С торговлей образами дело обстоит так же, как и в старые времена, — пишет датский пастор. — Хотя император Петр посредством предписаний намеревался воспрепятствовать связанным с нею злоупотреблениям, но добился этим немногого. На московских улицах я видел много лавок, полных образов и свеч, перед которыми кланялись прохожие русские, осеняя себя крестным знамением, а также иногда подавая милостыню стоявшим рядом беднякам. В кабинетах благородных русских я видал целые стены, сплошь увешанные подобными божественными изображениями, их стоимость исчисляли большими суммами. В церквях и монастырях этого великолепия без счета. Когда кто-либо продает такие образа, то не должен говорить, что торгует, но что хочет ими поменяться, а кроме того, ни в коем случае не смеет торговаться о цене, к чему в иных коммерческих делах русские очень склонны и являются превосходными мастерами»³⁴.

О традиции иконопочитания упоминает венецианец Джованни Джакомо Казанова, посетивший Санкт-Петербург в екатерининскую эпоху. «Я заметил, что русские особенно почитают Николу-угодника. Они молят Бога только через посредство сего святого, образ коего непременно находится в углу комнаты, где хозяин принимает гостей. Вошедший первый поклон кладет образу, второй хозяину; ежели там образа не случится, русский, оглядев комнату, замирает, не зная, что и сказать, и вовсе теряет голову»³⁵.

³² Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 118.

³³ Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 344.

³⁴ Там же.

³⁵ Казанова Д. История моей жизни. М., 1990. С. 574.

В 1774 году в Санкт-Петербурге побывал английский путешественник Натаниэль Уильям Рэкселл (1751—1831) (в 1780—1794 годах — член британского парламента). Как и его предшественники, он уделил внимание религиозному укладу жизни петербуржцев, и в частности — иконопочитанию. «Греки, похоже, любили в своих церквях купола так же, как магометане минареты. Обычно виден большой купол, окруженный четырьмя меньшими, все покрытые золоченой медью, что производит красивый эффект, когда солнце освещает их, — пишет Рэкселл. — Они оборачивают изображение Девы Марии и Иисуса золотыми или серебряными платами и иногда полным одеянием, и только пальцы оставляют напоказ, которые толпа набожно целует. Отцы или священники облачены в одеяния, которые сильно напоминают католические и обычно состоят из тонких тканей и дорогих шелков. Способ, каким они проводят службу, скорее напоминает распев, а не молитву, предназначенную Божеству, и они так часто и невозможно быстро повторяют молитвы, что можно соблазниться и предположить, что публика не может различить слова, произносимые священником, и это не позволяет поддерживать внимание. Св. Николай все еще сохраняет в русском календаре свое значение и почитание и имеет почти столько же алтарей, сколько и сама Богородица.

Кстати, я не знаю, что они думают, но я заметил, что в девяти из десяти случаев ее голову и голову Иисуса они представляют настолько черной, по крайней мере, цвет темной индийской оливы примерно соответствует этому; и не кажется невероятным, что они более точны, нежели Рафаэль или Гвидо [Рени]³⁶, ибо сирийские женщины низших сословий в солнечном климате Палестины должны иметь очень смуглую кожу»³⁷.

На особое почитание святителя Николая обратил внимание и Шарль Массон: «Каждый русский, кроме освященного при крещении креста, который он никогда не снимает с шеи, носит еще обычно в кармане медный образ Николая Чудотворца, — отмечает французский автор. — У крестьянина или солдата в дороге часто кроме образа совершенно ничего не бывает. И кажется странным, когда такой крестьянин или солдат вытаскивает своего божка из кармана, плюет на него, вытирает рукой, чтобы вымыть, потом ставит перед собой и, вдруг простершись, со вздохом осеняет себя тысячу раз крестным знаменем и сорок раз повторяет: „Господи помилуй!“ Помолвившись, он закрывает коробку и прячет бога в карман. У дворянина все это обставляется торжественней. В путешествиях его тоже сопровождает бог, но оноблачен в золото и серебро; на станциях слуга первым делом вынимает его из ящика и ставит в комнату своего господина, а тот, простершись, начинает молиться»³⁸.

Французская художница Мария Луиза Элизабет Виже-Лебрен (1755—1842) провела в России несколько лет — с 1795-го по 1801 год. Ее рассказ о почитании икон жителями Санкт-Петербурга отличается живостью и непосредственностью — это интересная бытовая зарисовка.

«По большей части русский народ отличается честностью и мягкостью нравов. В Санкт-Петербурге и Москве не только не услышишь разговоров о каком-нибудь страшном преступлении, но даже и о самой обыкновенной краже, — пишет Виже-Лебрен. — Поражает такое поведение людей, находящихся в почти варварском состоянии, и многие относят сие на счет сохранившегося до сих пор рабства; однако по моему разумению, объяснение сего надобно искать в глубокой религиозности русских.

³⁶ Гвидо Рени (1575—1642) — итальянский живописец, популярный во второй половине XVIII века.

³⁷ Натаниэль Уильям Рэкселл. СПб., 11 июля 1774 г. Цит. по: Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 122—123. (Основная причина «смуглых лиц» святых на иконах — потемневшая олифа и копоть от свечей.)

³⁸ Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 141.

Вскоре по прибытии в Петербург я поехала за город к невестке старого моего приятеля графа Строганова. Ее дом на Каменном острове стоит справа по большой дороге, идущей вдоль Невы. Выйдя из кареты, я прошла через калитку в сад и к гостиной на первом этаже, дверь в которую была широко распахнута. Несомненно, войти к графине Строгановой было очень легко; встретив меня в небольшом будуаре, она стала показывать мне свой дом, и я была поражена, когда увидела все ее бриллианты на подоконнике, выходявшем в сад и, следовательно, почти на большую дорогу. Сие показалось мне тем более неосторожным, что русские дамы имеют обыкновение выставлять свои бриллианты и другие драгоценности в застекленных витринах, как это принято у ювелиров. „Сударыня, — спросила я ее, — вы не боитесь кражи? — Нет, — отвечала она, — вот наилучшая охрана“. И она указала на висевшие над витриной образа Пресвятой Девы и Св. Николая, покровителя сей страны, перед которыми горела лампадка. Более чем за семь лет пребывания моего в России я постоянно убеждалась в том, что для русских образ Пресвятой Девы, какого-нибудь святого или же присутствие ребенка суть нечто священное»³⁹.

Рассказ Виже-Лебрен «дополняет» Массон, но, правда, с «обратным знаком». Речь идет об истории, случившейся с иконой, принадлежавшей Екатерине II. «Сама Екатерина чтит иконы. Часто, кладя земные поклоны на паперти своей часовни, она пачкала в пыли бриллианты венчавшей ее короны, — пишет Массон. — Однажды у нее из часовни украли обрамленный бриллиантами образ Богородицы — подарок императрицы Елизаветы при ее миропомазании. Вся полиция была поднята на ноги, чтобы разыскать виновника дерзкой кражи, но все было тщетно. Екатерина разохалась: „Не бриллиантов мне жаль, а святой иконы! За находку я бы охотно дала ее двойную цену“. Желание ее исполнилось: через несколько дней, после многих поисков и арестов, Пресвятая Дева была найдена, но без своего богатого убранства — икона валялась в снегу около Адмиралтейства. Обрадованная Екатерина наградила нашедшего, велела сделать ее еще богаче, чем раньше, и с большим торжеством поставить на прежнее место»⁴⁰.

В 1803 году Россию посетил швейцарский реформатский пастор Этьен Дюмон, который ранее возглавлял реформатскую общину в Петербурге. В дневнике под 24 июля (5 августа) 1803 года он записывает свои впечатления по поводу посещения петербургских храмов. «Церкви поражают своей величиной. Они полны икон, которые по большей части кажутся несколько смешными. Главный сюжет картины выполнен на серебряной высеченной поверхности. В серебре вырезаны отверстия для головы и рук, которые изображены красками, так что частью это живопись, частью — чеканка. Подобное сочетание двух искусств носит смешной и детский отпечаток. У всех русских имеются дома образа такого же вида; они почитают этих карманных святых, но у них нет религиозных понятий. Главный религиозный акт заключается в том, чтобы остановиться перед всеми церквями и креститься перед образами»⁴¹ — так пишет об этой древней традиции протестантский пастор, принадлежавший к Реформатской церкви, в которой иконопочитание было упразднено в XVI столетии.

Иностранцы, сообщавшие своим читателям о православной традиции иконопочитания, порой отзывались о ней как об устаревшей, как о пережитке древнего язычества. Отвечая на подобные высказывания, петербуржец Ф. М. Достоевский писал: «Иной лютеранский пастор ни за что не может понять, как можно, веруя в истинного Бога, поклоняться в то же время „доске“, изображению святого, и допускать, чтобы из

³⁹ Виже-Лебрен Э. Воспоминания о пребывании в Санкт-Петербурге и Москве 1795–1801 гг. СПб., 2004. С. 46–47.

⁴⁰ Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 141–142.

⁴¹ Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 году // Голос минувшего, 1913, № 3. С. 105.

этого не вышло идолопоклонства. Между тем нет ни одного русского мужика или бабы, которые, поклоняясь иконе, в то же время хоть сколько-нибудь смешивали „доску“ с Самим Богом, несмотря на то, что православный народ в то же время верует в чудотворность иных икон. Но нет ни одного русского, который чудотворную силу иконы приписал бы самой иконе, а не соизволению Божию. А это уже совсем другое»⁴². Такой ответ мог бы дать русский религиозный писатель на поверхностное замечание швейцарского пастора французского происхождения.

Испанский морской офицер Хуан Ван Гален (1778—1864) находился в России в 1818—1820 годах. Воспоминания Ван Галена записал его друг Агустин Мендиа и опубликовал в Валенсии в 1849 году. Ван Гален пишет о том, что простой народ, достаточно терпимый к иноверным культам, ревностен в религии чуть ли не до суеверности. Нигде так часто не падают на колени и так щедро не осеняют себя крестным знамением и т. п., причем не только представители низших классов, поскольку Ван Гален сообщает, что он видел, как среди дня в Казанском соборе отец князя Волконского, прикоснувшись своим платком к иконам, развешанным на стенах, благоговейно целовал его, затем снова прикасался, снова целовал, и поучительная эта церемония продолжалась без конца⁴³.

Имя Джеймса Эдварда Александера, автора книги «Путешествие к восточному театру военных действий через Россию и Крым в 1829 году» (Alexander J. The Travels to the seat of war in the East through Russia and Crimea in 1829. London, 1830), широкому русскому читателю незнакомо. Джеймс Александер (1803—1885) служил в Великобритании на военном и дипломатическом поприще. Ему пришлось побывать во многих странах, выполняя деликатные поручения. В 1829 году Александер приехал в Россию и по личному разрешению Николая I отправился на Балканы, следуя из Петербурга через Новгород, Москву, Тулу, Харьков, Одессу, Севастополь. Он первым из английских путешественников упоминает о личных встречах с А. С. Пушкиным. Основываясь на своем жизненном опыте, он написал около двух десятков книг, но на русском языке они ранее не издавались⁴⁴.

В мае 1829 года Джеймс Александер приехал в Петербург, «чтобы удовлетворить свою страсть к военным приключениям» и из-за желания принять участие в русско-турецкой кампании. Вряд ли английский офицер знал русский язык, и в его рассказе о молитве хозяев дома, где он квартировал, много надуманного. «Русские очень религиозны, а низшие, непросвещенные слои к тому же весьма суеверны. Я видел забавное проявление суеверия вскоре после того, как обосновался на берегах Невы, — пишет Джеймс Александер. — Мы занимали принадлежавший мужику двухэтажный дом с балконом и уютным садом. В правом углу лучшей комнаты висела оправленная в серебро икона Богородицы с Младенцем. Наступил праздник. Хозяин с женой попросили разрешения помолиться перед иконой. Я наблюдал происходящее: сначала они зажгли перед образом лампаду, которая висела на трех серебряных цепочках, затем протерли стекло на иконе, распростерлись на полу и, отбивая поклоны, стали просить у иконы прощения за то, что некоторое время лампада была незажженной. Они говорили: „В нашем доме живут иностранцы, поэтому мы не можем каждый день молиться пред Тобой, хотя очень хотим, надеемся, Ты не обидишься, ведь наше неуважение к Тебе невольное. Сегодня великий праздник святых Петра и Павла, мы молим Тебя, будь милостива к нам“. Они долго молились, обращаясь к Богородице с самыми простодушными словами. Вначале я чуть было не рассмеялся, но затем насмешка уступи-

⁴² Достоевский Ф. М. Дневник писателя. СПб., 1877. С. 627.

⁴³ Гален Хуан ван. Два года в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 81.

⁴⁴ Александер Джеймс. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 4 (предисловие).

ла место более благородным чувствам: религиозность в любом проявлении заслуживает уважения»⁴⁵.

Астольф Кюстин, побывавший в Санкт-Петербурге в 1839 году, подмечает характерную особенность икон, увиденных им в России: наличие окладов, выполненных из драгоценных металлов. «В греческой (православной. — *Авт.*) Церкви культ изображений по-прежнему до известной степени запрещен, — пишет французский путешественник. — Истинно верующие допускают лишь живопись условного стиля, покрытую определенными рельефными украшениями из золота и серебра: под этими накладками достоинства картины исчезают совершенно. Таковы единственные живописные изображения, какие терпят в Божьих храмах русские православные»⁴⁶.

С большим почтением пишет о традиции иконопочитания известный французский писатель Теофиль Готье. «Местный уклад жизни выдает себя множеством любопытных деталей, — сообщает он. — Прежде всего — иконы в позолоченных серебряных окладах, с прорезями на месте лиц и рук, отражая свет постоянно горящих перед ними лампад, предупреждают вас о том, что вы не в Париже и не в Лондоне, а в православной России, на святой Руси»⁴⁷.

Любознательный писатель, посетивший Россию в середине XIX века, побывал в торговых рядах, располагавшихся недалеко от Сенного рынка, но не сохранившихся до нашего времени. Речь идет о так называемом Шукином дворе, где наряду с прочими имелся иконный ряд. «Если я вдруг забыл бы, какое в тот день было число, я мог бы подумать, что очутился в средневековье, настолько стиль рисунка икон был архаичен, а ведь большинство из них было исполнено просто накануне. Своими образами Россия с абсолютной верностью продолжает византийскую традицию»⁴⁸, — писал Готье, приводя далее некоторые любопытные частности, передающие атмосферу той безвозвратно ушедшей эпохи. «Торговцы иконами лучше одеты, чем их соседи — торговцы кожами, — продолжает французский писатель. — В основном на них старинные русские костюмы... у многих прекрасные, серьезные, умные и добрые лица. Они сами могли бы позировать для портретов Христа, которые продают, если бы византийское искусство допускало подражание природе в исполнении освященных Церковью образов. Завидев, что вы останавливаетесь перед лавкой, они вежливо приглашают войти, и, даже если вы ограничитесь покупкой нескольких пустяков, они покажут вам весь свой арсенал, не без гордости останавливая ваше внимание на самых дорогих, хорошо исполненных вещах»⁴⁹.

В 1867 году в России побывал Льюис Кэрролл, автор известной книги «Алиса в стране чудес». Менее известно, что его перу принадлежат путевые очерки под названием «Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник». Будучи в Санкт-Петербурге, Кэрролл просто не мог не заметить множество икон, встречавшихся на его пути. «Огромные пестрые вывески над лавками, гигантские церкви с усыпанными золотыми звездами синими куполами и диковинный говор местного люда — все приводило нас в изумление во время нашей первой прогулки по Санкт-Петербургу, — вспоминал английский писатель. — По дороге мы миновали часовню, красиво украшенную и позолоченную снаружи и внутри, с Распятием, иконами и проч. Бедняки, проходящие по улице, почти все снимали шапки, кланялись и часто крестились — непривычное зрелище среди уличной толпы»⁵⁰. Чуть позже Кэрролл занес в свой дневник

⁴⁵ Там же. С. 61–62.

⁴⁶ Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 1996. С. 314.

⁴⁷ Готье Теофиль. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 102.

⁴⁸ Там же. С. 142.

⁴⁹ Там же. С. 143.

⁵⁰ Кэрролл Льюис. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. СПб., 2013. С. 36.

такие строки: «Мы обнаружили десятки лавок, где продают иконы — от простеньких иконок в один-два дюйма высотой до искусных изображений в фут и более, где все, кроме лиц и рук, закрыто золотом. Купить их будет непросто; нам сказали, что торговцы здесь говорят только по-русски»⁵¹.

Жасинт Вердагер (1845–1902) — священник, поэт, эссеист, автор эпических поэм «Атлантида» и «Каниго» — важнейших произведений каталонского Возрождения. В России он побывал в 1884 году. В своей книге «Поездки и путешествия» он, как и его предшественники, уделяет большое внимание традиции иконопочитания, бытовавшей в православной России. «Нет числа церквям, церквушкам, часовням и часовенкам, они — первое и самое драгоценное украшение столицы России, — пишет отец Жасинт. — Не найти ни одной площади, ни сколько-нибудь значительной улицы, ни одного перекрестка, где бы не было отлично освещенной церкви, распахивающей двери навстречу путешественнику, ослепляя его убранством византийских запрестольных образов, образов Спасителя, Пресвятой Девы и Святых, ласково смотрящих на прохожих и улыбающихся, подобно звездам на золотом небе. В каждом доме и в каждой лавке есть свои образа; иногда и снаружи, при входе, в небольшой витрине можно увидеть образ святого, наполняющий улицу небесным светом своего взгляда и пробуждающий в земных сердцах божественные помыслы. Схизматики⁵² перед скромным образом, как и перед роскошным храмом, снимают головной убор; так поступает кучер и господин, крестьянин и горожанин, бедняк и богач, все трижды кланяются, крестясь, но не касаются левого плеча: ото лба ведут (лучше сказать, роняют) почти сомкнутые пальцы до пояса, а затем к правому плечу. Внутри храма, крестясь, долго кланяются и целуют землю»⁵³.

В своей книге о. Жасинт Вердагер подробно описывает внутреннее убранство православных храмов, большую часть которого составляют иконы. «Произведем беглый осмотр религиозных сооружений: из 201 церкви Петербурга только шесть католических, есть различные протестантские храмы, синагоги, пагоды; но более всего заметны церкви схизматиков, — продолжает испанский священник. — Они имеют прямоугольное основание и разделены на три части. Последняя часть, в свою очередь, обычно состоит из трех: ризницы, крестильной купели и алтаря, который находится в центре, в глубине апсиды. Напротив алтаря, единственного в храме, расположены золоченые и украшенные скульптурными изображениями врата четырех-пяти метров в высоту, они закрываются во время священного богослужения, чтобы сообщить ему особую торжественность и таинственность. В алтаре и в этом странном клиросе находятся лучшие и самые богатые картины, и главные драгоценности храма. Остальное пространство здания — это три нефа, образованных двумя рядами греко-римских колонн. Колонны, пилястры, плафоны, самые отдаленные и потаенные уголки храма щедро украшены византийскими образами всех размеров. Чаще всего встречаются изображения Пресвятой Девы, иногда их число (изображения схожи, но не повторяются) достигает пятидесяти на одной стене, они напоминают многочисленные украшения наших часовен, но превосходят их, так же как и наши храмовые картины, высокой художественной ценностью. Скульптурные фигуры запрещены и считаются идолами; возможно, в этом причина того, что все искусство и мастерство воплотилось в живописи.

⁵¹ Там же. С. 39–40.

⁵² Автор — католик; он использует бытовавшее в его время наименование православных христиан «раскольниками» (схизма — греч. — раскол).

⁵³ Вердагер Жасинт. Петербург (Из книги «Поездки и путешествия») // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 133.

Санкт-петербургские церкви, построенные в соответствии со вкусами эпохи, принадлежат к греко-романскому стилю и походят своим внешним и внутренним убранством на католические. Однако в основе храмов более современной постройки лежит византийская традиция. Они декорированы в том же стиле, несколько изысканнее, для тех и других характерен купол, или купола, восточной формы, увенчанные крестом, с которого ниспадает двойная цепь, крепящаяся на куполе»⁵⁴.

Имя Георга Брандеса (1842—1927) почти неизвестно современному российскому читателю. Однако на рубеже XIX—XX веков он был одним из самых знаменитых европейских литературных критиков, теоретиков и историков литературы. Сочинения Брандеса пользовались широкой популярностью во многих странах, в том числе и в России. За период с 1902-го по 1914 год «Собрание сочинений» Брандеса на русском языке выходило дважды: в 1902—1903 годах в Киеве в 12 томах и в 1906—1914 годах в Санкт-Петербурге в 20 томах. Одна из книг Брандеса посвящена России; в ее основу легло сочинение Брандеса «Русские впечатления»⁵⁵, написанное сразу после посещения России с лекциями в 1887 году.

Как и его предшественники, посещавшие Санкт-Петербург, датский писатель уделял особое внимание традиции иконопочитания. «По берегам Невы — множество роскошных строений в итальянском и французском стиле. И еще — множество часовен с иконами, перед которыми каждый прохожий часто крестится, если не останавливается, чтобы помолиться, — пишет Брандес. — Наш извозчик, как и все остальные, осеняет крестным знаменем лоб, плечи, грудь перед каждой иконой, мимо которой мы проезжаем, и перед каждой из многочисленных часовен, в которых теплятся лампы, и свет их льется на улицу. Чаше всего он делает это по привычке. Набожность распространена гораздо меньше, чем может казаться по всем этим крестным знаменям и поклонам на улице, которые наблюдает путешественник. Бывает и такое, что правой рукой крестятся, а левой в то же самое время спину чешут»⁵⁶.

Это были первые наблюдения датского писателя касательно традиции иконопочитания. Позднее он вернется к этой теме на более высоком научном уровне. По словам Брандеса, «русское искусство было сугубо религиозным, так как религиозное чувство в России (и в Польше) соединялось с любовью к отчизне и родной земле. Духовенству нужно было обратиться к религии, и поскольку этот народ не умел читать, оно использовало религиозную живопись как образный язык, а чтобы этот язык был понятен во все времена, его сохраняли неизменным. Канон был заимствован у старых византийских мастеров, и на протяжении веков ничто не менялось в писании икон. Святой образ оставался национальным символом, как позднее знамя, почитаемым и неизменным, как щит; на иконе писались серьезные, худощавые святые в длинных одеяниях, которые были идеалом для полнокровных и плотских людей былых времен. Едва избавившись от татаро-монгольского ига, московиты показали себя искусными оружейниками, золотых дел мастерами, умеющими чеканить золото и серебро. <...>

Так как законом для художников является не изобретательность, а верность канону, они стремятся искупить византийскую строгость и статичность фигур тем, что окружают их золотом, драгоценными камнями и жемчугом, превращая тем самым икону в роскошную декорацию. Когда ничего нельзя изменить, нельзя проявлять оригинальность в писании святых образов, то взамен мастер окружает главы золотыми нимбами, с вкраплениями жемчуга и драгоценных камней, гравированными с тончайшим искусством, а также покрывают грудь святых металлической пластиной, инкру-

⁵⁴ Там же. С. 129—130.

⁵⁵ Brandes Georg. Indtryk fra Rusland. Kobenhavn, 1888.

⁵⁶ Брандес Георг. Русские впечатления. М., 2002. С. 40—41.

стированной золотом и серебром, украшенной всевозможными изображениями и черненными арабесками. Некоторые из этих нимбов и пластин XVI века, с крохотными зелеными листочками и лазоревыми цветочками на матовом золоте, или со всеми оттенками зеленого, окруженного белыми линиями, с отдельными черными листиками и черными же геометрическими линиями на золоте, — столь чудесны, восхитительны и прекрасны, что словами этого не описать»⁵⁷.

Тему иконопочитания подхватывает другой скандинавский писатель — Кнут Гамсун. Один из крупнейших писателей, лауреат Нобелевской премии Кнут Гамсун остался в истории литературы не только как автор всемирно известных романов и повестей, но и как яркий публицист. И если Льюис Кэрролл поместил свою «Алису» в «страну чудес», то Гамсун, побывавший в России в 1899 году, назвал свои путевые очерки сходным образом: «В сказочном царстве».

В истории норвежской литературы Гамсуну принадлежит особое место. Среди норвежских прозаиков конца XIX — начала XX века он считается «самым талантливым, самым знаменитым и самым спорным». Не менее ярко, чем в художественной прозе, творческая личность Гамсуна проявляется и в других литературных жанрах, в том числе и в прозе документальной. Высокую оценку его мастерству в этой области дает А. Куприн. Он отмечает, что «у Гамсуна есть неоцененная особенность: рассказывая о чужой стране и чужих людях, находить те именно характеристики, мелкие черты, которые до него никому не бросались в глаза, и рисовать их сжато в двух-трех словах»⁵⁸.

В отличие от других иностранных авторов, Гамсун упоминает не о храмах и часовнях, где можно было видеть молящихся прихожан; он пишет про... железнодорожный вокзал: «Вечером мы заблаговременно приезжаем на Николаевский вокзал. Здесь я впервые вижу лампы, горящие перед иконами. Когда в глубине открываются двери, в зал врывается шум паровозов и стук колес, но, несмотря на этот шум, перед ликами святых денно и ночью горят вечные лампы, денно и ночью, иконы похожи на маленькие алтари — к ним ведут две ступеньки, и лампы теплятся тихим светом.

Приходя или уходя, русские крестятся перед иконами. Они осеняют себя крестным знаменем, опускаются на колени, бьют поклоны и снова крестятся, и все это они проделывают привычно и очень быстро. Я слышал, что русские никогда не пускаются в дорогу, не исполнив этого обряда; матери подталкивают детей поближе к святым, и старые, увешанные орденами офицеры обнажают головы, отвешивают поклоны и многожды осеняют себя крестным знаменем, прося об удаче в пути»⁵⁹.

Из очерка «В сказочном царстве», описывающего путешествие автора по России в 1899 году, читатель может узнать, сколь обильна и процветающая была наша страна накануне трагического переворота...

После 1917 года в советской России началась борьба с «религиозными предрассудками»; гонения обрушились в первую очередь на Русскую православную церковь. Под видом борьбы с голодом из храмов изымалась церковная утварь из золота и серебра. Затем последовало массовое закрытие церквей, иконы уничтожались, наиболее ценные передавались в музеи, многое ушло за границу. Вот свидетельство испанского журналиста Феликса Роса, посетившего Ленинград в начале 1930-х годов.

«Гостиница „Европа“ занимает целый квартал; если смотреть со стороны входа, ее левая сторона выходит на проспект 25 Октября⁶⁰, — пишет испанский автор. — Это потрясающее здание, выстроенное со старым имперским размахом. Над входом навиги-

⁵⁷ Там же. С. 124–125.

⁵⁸ Куприн А. Полное собрание сочинений. М., 1958. Т. 6. С. 595.

⁵⁹ Гамсун Кнут. В сказочном царстве. Путевые заметки. Статьи. Письма. М., 1993. С. 12.

⁶⁰ Невский проспект.

сает широкий козырек, украшенный ажурной решеткой. Мы поднимаемся по ступенькам и проходим в холл. Направо от нас — коридор и лифты; налево — множество необходимых помещений: широкий проход, ведущий в туристическое бюро. В туристическом бюро стоит прилавок с плакатами, альбомами, книгами, картами, журналами, эстампами; на другом продаются карты с антирелигиозными рисунками, гитары, пудреницы, портсигары, деревянные игрушки... В глубине бюро — еще одна дверь, на которой написано „Antiquites“, это вход в большую комнату, всю заставленную иконами, старинными картинами, раньше украшавшими храмы и дворцы, изделиями из металла, церковной утварью, изящными светильниками, коврами, канделябрами, занавесями, доспехами, мебелью: потрясающая коллекция произведений искусства. Возле самой двери, как предвозвестье того, что здесь можно увидеть, висит хорошая копия „Святого Иоанна Крестителя“ Мурильо — оригинал хранится в Эрмитаже. Такая торговля ведется в каждой гостинице Советского Союза. Так легче вывезти антиквариат за границу, но платишь много дороже, чем в обычном магазине»⁶¹.

...Ересь иконоборчества была осуждена на Седьмом Вселенском соборе в 787 году. Византия продержалась еще более шести столетий и под ударами турок пала лишь в 1453 году. Иконоборчество возродилось в советской России в 1920-е годы; не прошло и семидесяти лет, как «Союз нерушимый» распался сам собой.

⁶¹ Рос Феликс. Южанин в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 178—179.